

Н.Е. Никонова

Томский государственный университет

Вертеровский сюжет в жизни и поэзии В.А. Жуковского*

Аннотация: В статье рассматривается «вертеровский след» в наследии первого русского романтика В.А. Жуковского: в совокупности анализируются малоизвестные биографические, литературно-эстетические и критические материалы, связанные с творческим восприятием и осмыслением великого романа И.В. Гете «Страдания юного Вертера». Впервые освещаются издания романа из личной библиотеки Жуковского, содержащие пометы поэта; полный текст перевода избранных мест романа Гете, задуманного и частично осуществленного «союзом трех» (Ан.И. Тургеневым, А.Ф. Мерзляковым и В.А. Жуковским); неопубликованные письма периода 1840–1850 гг. Комплексное изучение особенностей восприятия Жуковским истории о Вертере позволяет говорить о тонком сознательном вертерианстве, обнаруживающемся в житетворчестве поэта.

The article is focused on «Werter's trace» in the literary heritage of V.A. Zhukovsky, the first Russian romanticist. The author gives a joint analysis of little-known biographical, literary-aesthetic material and criticism, which all are connected with Zhukovsky's perception and understanding of Goethe's great novel «The Sorrows of Young Werter». It's for the first time that limelight is thrown on the novel editions, which were found in Zhukovsky's private library, these exemplars containing his marginalia. The author of the article is also the first to introduce both the complete translation of the chosen abstracts from Goethe's novel, with this translation once conceived and partly performed by the «union of the tree» (A.I. Turgenev, A.F. Merzlyakov, V.A. Zhukovsky), and unedited letters (1840-1850s). The total study of the way Zhukovsky perceived the story about Werter lets us speak about a subtle conscious «wertarianism», which has traces in the poet's life and work.

Ключевые слова: Вертеровский сюжет, В.А. Жуковский, личная библиотека поэта.

Werter's plot, V.A. Zhukovsky, poet's private library.

УДК: 821.161.1, 821.112.2.01.

Контактная информация: Томск, ул. Ленина, 36. ТГУ, филологический факультет. Тел. (3822) 634050. E-mail: nikonat2002@yandex.ru.

Роман И.В. Гете вышел в 1774 году, за девять лет до рождения В.А. Жуковского, и, как известно, сразу стал бестселлером, прославившим своего автора и породившим социо-культурные последствия мирового масштаба [см., например: Лотман, 1992; Стадников, 2003]. По замечанию В.М. Жирмунского, из всех сочинений Гете именно «Вертер» наряду с «Фаустом» оказал непосредственное влияние на русскую культуру [Жирмунский, 1982, с. 37]. В мировой науке о литературе существует богатая история вопроса относительно процесса и ре-

---

* Статья подготовлена при поддержке Гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-448.2011.6.

зультатов усвоения классических произведений Гете. Вместе с тем до настоящего времени остается без внимания вопрос о характере восприятия первого романа «Коломбом русского романтизма», определившим облик отечественной словесности XIX в.

Начало русской вертерианы восходит к началу 1780-х гг. Полный перевод романа в двух частях под заглавием «Страсти молодого Вертера» вышел в начале 1781 г. и принадлежал студенту столичного университета Ф. Галченкову. Второй перевод, выполненный в 1796 г. И. Виноградовым, немногим отличался от первого и повторял его стиль и ошибки, допущенные вследствие невысокого уровня знаний переводчиков. Как известно, допущенный Ф. Галченковым и продублированный И. Виноградовым казус разоблачил Жуковский: «в старом русском переводе романа Клопшток превращается в следующее: “Пойдем играть в короли” (старая игра). Что же это может значить? Какой тут смысл? – спрашиваете вы. Послушайте Жуковского. Он вам все разъяснит» [Вяземский, 1999, с. 209]. Не обладающие достаточными фоновыми знаниями переводчики не смогли узнать имени Ф.Г. Клопштока, приняв его за опечатку. Эта история, рассказанная князем П.А. Вяземским, свидетельствует об устойчивом интересе поэта к роману Гете, о глубоком понимании текста оригинала и знании литературного контекста немецкой культуры.

Качественно новым этапом в русской вертериане стал задуманный членами Дружеского литературного общества «тройной» перевод романа. В работе участвовали Ан.И. Тургенев, А.Ф. Мерзляков и В.А. Жуковский. Усвоив опыт и традиции карамзинизма, члены Дружеского литературного общества провозгласили новые ориентиры на пути достижения главной задачи – создания аутентичной русской литературы. Источником этого обновления, как известно, стало переключение фокуса с французской на немецкую художественную словесность, в которой друзья рассчитывали обрести соответствующие поэтические средства для выражения романтического миропонимания.

В замыслы «союза трех» входили совместный перевод «Вертера» Гете и издание альманаха под литерами «М. Т. Ж.» [Загарин, 1883, с. 50–53; Вацуро, Виротайнен, 1987, с. 351, 370–371]. Однако, у каждого из друзей появилась, по сути, собственная вертериана. Их совместный перевод выполнялся с 1799 г. по 1802 г. Жуковский также принимал в нем участие, о чем свидетельствует письмо Андрея Тургенева от 22 января 1802 г.: «Мое состояние очень походит на то, которое описано в Вертере, в том письме, которое ты переводил» [Вацуро, Виротайнен, 1987, с. 392]. Части, переведенные Жуковским, до нас не дошли, однако большая часть материалов вертерианы «союза трех» сохранились именно в его рукописях [Тургенев, Мерзляков; Письмо Вертера к Шарлотте].

История перевода «Вертера» Андреем Тургеневым, Жуковским и Мерзляковым впервые воссоздана В.М. Жирмунским в начале 1980-х гг. Спустя почти два десятилетия к этому интереснейшему тексту обратился В.Н. Топоров, прокомментировавший и опубликовавший некоторые фрагменты русского перевода [Топоров, 2001, с. 225–233]. Он, как и последующие исследователи русской вертерианы (например, см.: [Лобачева, 2005]) единогласно признали данный текст лучшим среди всех русских переводов, которые вышли в России в конце XVIII – начале XIX вв.

Друзья Жуковского по «союзу трех» ушли гораздо раньше него – Андрей Тургенев – почти на полвека; А. Мерзляков – более чем на два десятка лет. На протяжении всей жизни романтик так или иначе контактировал с великим романом Гете, хотя «верхний» и самый очевидный уровень вертеровского сюжета, то есть историю одного самоубийства от несчастной любви и непонимания социума, изначально не принимал. Известно, что в своей речи «О страстях», произнесенной перед членами Дружеского литературного общества, поэт задавал вопрос: «Друзья мои, что такое страсти?» [Жуковский, 1906–1916, с. 183]. История юного Вер-

тера, на первый взгляд, явилась бы ярким воплощением таковых: «Какой-нибудь ученик Зенонов покажет мне <...> на могилу Вертера, и скажет: “Вот ответ мой, вот признаки, по которым ты узнаешь страсти!”» [Жуковский, 1906–1916, с. 183]. Однако, судьба культового гетевского персонажа, по мнению Жуковского, служит неудачным примером. Из истории о Вертере, с точки зрения молодого поэта, можно узнать «только то, что человек из всякого добра извлекает для себя зло, что натура дала ему все для его счастья, и что он не умеет пользоваться благими дарами природы!» [Там же, с. 184]. По справедливому наблюдению А.С. Янушкевича, Жуковский, сформировавшийся как личность под влиянием масонской теории «внутреннего человека», сугубо критически относился к человеческим страстям в жизни и их литературному изображению, хотя дальнейшее знакомство с трудами Руссо, Поупа, Гарве, Энгеля и «вносило существенные коррективы в масонскую теорию» [Янушкевич].

Вертериана Жуковского была неразрывно связана с именем Андрея Тургенева, который «обратил» его к немцам и романтизму, он же был ярчайшим и единственным в своем роде представителем его раннего, штюрмерского этапа. Так, первое же обращение Жуковского к немецкому гению «К портрету Гете» (1812), отправленное в Веймар в 1822 г. через графиню Эглоффштейн, является парафразой послания Тургенева к немецкому поэту, о стихотворения «Свободным гением природы вдохновенный», оставленного автором в качестве дарственной надписи на экземпляре «Страданий юного Вертера» («Leiden des jungen Werthers. Von Goethe». Leipzig, 1787), преподнесенном Жуковскому [Лобанов, 1981, с. 363]. А позже уже Александр Тургенев записал это стихотворение в памятный альбом И.В. Гете с пояснением: «4 стиха переводчика *Вертера*, покойного брата Андрея, на 16-летнем возрасте им к портрету Гете написанные» [Современник, 1837, с. 304].

Издание Гете 1787 г. (первое переработанное издание в Германии), подаренное Андреем Тургеневым В.А. Жуковскому, пестрит пометами. Первые восемнадцать фрагментов отмечены вертикальной карандашной чертой на полях издания, еще восемь отчеркнуты волнистой чернильной линией. Сопровождающие маргиналии на передней и задней листах переплета также сделаны соответственно карандашом и чернилами. Издание предваряют два карандашных профиля (предположительно, Вертера и Шарлотты), выполненные Андреем Тургеневым, и его надпись карандашом: «Описание своей жизни». Титульному листу предшествует вклеенный в книгу лист, на котором молодой Тургенев оставляет автограф своего стихотворения «К портрету Гете», а под ним дарственную надпись, адресованную Жуковскому: «Ей-богу ничего лучше придумать не могу, как того, что я вечно хотел бы быть твоим другом, чтобы дружба наша временем укреплялась, чтобы я был достоин носить имя друга!, и твоего друга!!». После текста Гете он помещает похожий на тот, что в начале книги, но более четко прописанный мужской профиль в лавровом венке и вклеенную вырезку черно-белой репродукции картины «Друзья Вертера», на которой герой изображен на смертном одре в окружении близких друзей, а на стене напротив него висит портрет Лотты. Завершают книгу стихотворные строки («Тот может в счастья с бессмертными ровняться, // Чей взор вст<...>»), которые атрибутировать, к сожалению, не удалось. Однако по настоящему понять характер чтения самого произведения Гете членами Дружеского литературного общества позволяют отчеркивания в тексте романа. Мы не можем точно определить авторство помет, но бесспорно то, что Жуковский отнесся к ним предельно внимательно и как член «союза трех» был их соавтором, или соучастником этого диалога с романом.

Отчеркивания не связаны напрямую с распространенными медитациями Вертера и узловыми, с точки зрения фабулы романа, моментами. Выделенные фрагменты представляют собой, прежде всего, афоризмы Гете: «<...> мы должны поступать с детьми, как господь поступает с нами, позволяя нам блуждать в бла-

женных грезах и тем даруя нам наивысшее счастье» [Goethe, 1787, S. 88; Гете, 1985, с. 94]; «...глуп тот, кто в угоду другим, а не по собственному призванию и тяготению трудится ради денег, почестей или чего-нибудь еще» [Ibid., S. 93; Гете, 1985, с. 101]; «Счастлив ты, что можешь приписать свое злосчастье земным препонам!» [Ibid., S. 225; Гете, 1985, с. 105]. Другой риторический тип помет – это эмфатические восклицания-обращения к другу (Вильгельму-Жуковскому) и возлюбленной, развивающие тему сильного любовного и дружеского чувства; ср.: «Вильгельм, мираж ли то, что дает нам отраду?» [Ibid., S. 90; Гете, 1985, с. 97]; «Ах, Вильгельм! Я без раздумья отдал бы свое бытие за то, чтобы вместе с ветром разгонять тучи, обуздывать водные потоки. О, неужто узнику когда-нибудь выпадет в удел это блаженство?» [Ibid., S. 250]; «Да, Лотта, к чему скрывать? Один из нас троих должен уйти, и уйду я! О, любимая!» [Ibid., S. 18; Гете, 1985, с. 25]; «О, если бы мне даровано было счастье умереть за тебя!» [Ibid., S. 360; Гете, 1985, с. 372]; «О, я знал, что ты любишь меня, знал с первого же задушевного взгляда» [Ibid., S. 291; Гете, 1985, с. 298]. Книга, подаренная Андреем Тургеневым В.А. Жуковскому, открывает рецептивную стратегию, которая станет творческим кредо первого русского романтика и одним из главнейших стержней развития литературы в России: находить в чужом свое и заимствовать его так, чтобы могло обогатить русскую словесность и культуру.

В художественном творчестве Жуковского имя Вертера встречается только косвенно и лишь однажды – в майских номерах «Вестника Европы» за 1808 г. он публикует свой перевод повести «Шарль и Мари» французской писательницы А.М.Э. де Флао с заглавием «Мария. Отрывок из Артурова журнала» [Вестник Европы, 1808, № 12, с. 230–265; № 13, с. 3–56; № 14, с. 98–165]. Жанровая организация и сюжетное строение повести напрямую коррелируют с немецким романом. Психологическая дневниковая проза романтически-сентиментального плана открывает историю, рассказанную главным героем о смерти матери, любви, собственных сомнениях, ревности, недоверии и других, не самых светлых оттенках любовного чувства. Любовный треугольник, сложившийся между Шарлем, Мари и когда-то горячо, но безответно влюбленным в нее юношей Филиппом (Артуром, Марией и Эдвином в русском переводе) обнаруживает непосредственное сходство с отношениями между Вертером, Шарлоттой и Альбертом. Вертер-Эдвин, неверно истолковавший дружеское расположение Марии, вынужден удалиться в длительное путешествие и появляется в сюжете повести лишь опосредованно. Роль рассказчика выполняет влюбленный в героиню Альберт-Артур. Несмотря на очевидное сопряжение с объектно-субъектной организацией гениального романа Гете, повесть де Флао полемизирует с ним в главном, поскольку имеет жизнеутверждающий пафос, открывает всепобеждающую спасительную силу любви. В этом смысле исповедь чувствительных сердец Флао представляет собой альтернативу истории страданий и самоубийства юного Вертера. Наконец, сюжет о Марии оказывается близким Жуковскому не только в литературно-эстетическом, но, главным образом, в личностно-биографическом плане. По верному замечанию И.А. Поплавской, в этом повествовании «сотериологический миф рождается на пересечении литературного и биографического дискурсов, и не случайно само имя героини Мария, ставшее заглавием повести, прочитывается в контексте эстетики жизнестроительства поэта» [Поплавская].

Вертер возникает в тексте в связи с героиней повести, «не имеющей чувствительности», «холодной, вытянутой, сухой» Эльминой, которая и поселяет в Артуре мучительные сомнения в Марии: «Мы пошли в ту сторону парка, которая была еще мне неизвестна. Эльмина привела меня к пригорку, посвященному Меланхолии: на нем росли густые деревья; глазам моим представились: жертвенник с надписью *Вертеру*» [Вестник Европы, 1808, № 10, с. 121]. Сюжет с жертвенником имеет под собой фактическую основу. Чувствительные поклонники по всей Европе оставляли памятники погубившему себя герою Гете, воздвигая на каменные

постаменты мраморные урны (Werther-Urnen); чтобы каждый мог «пролить слезы над его участью». Значимо то, что в у Флао-Жуковского недобрая Эльмина, актриса и притворщица в жизни, является выразительницей этих модных меланхолических настроений, то есть слепое подражание и поклонение Вертеру в сюжете повести оспаривается.

Во второй раз имена Вертера и его автора появляются на страницах «Вестника Европы» спустя всего полгода. Жуковский-редактор помещает на титульном листе сорок второй части журнала (за ноябрь и декабрь 1808 г.) портрет И.В. Гете и печатает свою статью под названием «Гете, изображенный Лафатером». Не останавливаясь специально на содержании публикации, отметим только примечание автора к заглавию, оставленное для широкой публики. Под астериском к имени Гете читаем: «Сочинитель Вертера» [Вестник Европы, 1808, № 21, с. 44], в доказательство того, что в сознании современников Жуковского главным творением, представляющим гений Гете вообще, выступал этот его роман, герой которого стал более известным, чем его автор.

В рукописях РНБ сохранилась заметка на немецком языке под заглавием «An Жуковский» [«An Жуковский»], содержащая программу работ по переводам из немецкой словесности. Автор рукописи, имя которого не известно, судя по предисловию к перечню, выполняет просьбу поэта. В кратком вступлении он поясняет замысел совместного проекта, который, очевидно, должен был представлять собой целостное собрание образцов повествования различных жанров («стилей»). Первый из предложенных «стилей» представлен «романом в письмах». В качестве образца жанра предлагаются тринадцать писем из «Страданий юного Вертера» Гете. Однако, ни одно из них не отмечено в изданиях романа, которыми владел Жуковский, в то время как составитель перечня подчеркивает особую значимость именно этих фрагментов, отражающих «не только стиль, но также и ход идеи создателя», «из них к тому же следует и основное содержание романа» [Там же, л. 3 об.]. Судя по оставленным пометам-подчеркиваниям, адресат заметки отнесся к ней внимательно и произвел собственный отбор фрагментов, показавшихся ему интересными. Так, из всего списка вертеровских посланий Жуковский выделяет одно письмо к другу Вильгельму, не имеющее ничего общего с основной интригой романа. Тема рассуждения – литература древних, а точнее поэзия Оссиана, которым русский балладник увлекался не меньше героя Гете, за что получил от Вяземского прозвище «припудренного Оссиана» [Веселовский, 1904, с. 301]. Письмо представляет собой мистический диалог с духом великого поэта, вызывающего из иного мира к познавшему его страннику, коим представляет себя Вертер. Жуковского не могло не привлечь имя особо любимого и почитаемого им поэта древности, как не могли не заинтересовать начальные слова, приведенные в списке неизвестного к каждому датированному письму-отрывку из романа: «Ossian hat in meinem Herzen...» (Оссиан в моем сердце <...>).

В заметке «An Жуковский» нет указаний на дату или место создания. Можно предположить только, что она была создана не ранее конца 1810-х гг., когда интерес поэта к культурному наследию Германии приобрел сознательный, крупномасштабный и целенаправленный характер. Автор предлагает Жуковскому обратить внимание и на такие «стили» как «живописные картины в письмах», «исторический стиль», на «представление характера» и «историко-политическую прозу». В качестве образцового примера травелога автор заметки приводит «Письма из Швейцарии» И.В. Гете, написанные в продолжение романа о Вертере и опубликованные впервые под одной обложкой с ним в 1808 г. Это сочинение привлекало Жуковского не менее первой истории о Вертере. Фрагменты из «Вертерова путешествия», как называл роман сам Гете, должны были войти в альманах немецкой словесности за 1817 г. Не воплощенный замысел «собрания переводов из образцовых немецких писателей» в стихах и в прозе подробно описан в послании к Д.В. Дашкову, которому предлагается стать соиздателем двух частей, каждая из

которых должна была «иметь форму немецких альманахов, выходить в начале года, иметь не более 10 листов в 12 долю малого формата, след 240 страниц, быть украшенной: первая, то есть русская, с картинками и иметь красивую обертку; а последняя, при такой же красивой обертке, иметь один только гравированный титул с портретом одного из немецких поэтов и прозаистов» [Сочинения В.А. Жуковского, т. 6, с. 441]. При этом определяющее место среди прозаиков должен был занять Гете: «Немецкая книжка: За нею хлопот немного: материалы готовы, садиться и переводить. *Материалы вообще. Проза.* Гёте: Römischer Carneval. Märchen. Отрывки: Reisen nach Italien. Werther's. Briefe über die Schweiz. Aus meinem Leben. У меня он полный» [Там же]. Несмотря на то, что задуманное не осуществилось, письма Вертера из Швейцарии нашли свой непосредственный отклик в поздней прозе Жуковского. Издание сочинений Гете (вероятно 1808 г.), о котором русский поэт пишет в этом фрагменте, не сохранилось. Однако до нас дошло более позднее издание обеих частей Вертера с пометами Жуковского [Goethe, 1819].

В маргиналиях романтика на страницах этого позднего издания [Лобанов, 1981, с. 363] раскрывается автобиографичная история Жуковского-Вертера. Совокупность отмеченных Жуковским фрагментов с легкостью складывается в целостную и законченную историю отношений с Марией Протасовой, вышедшей замуж за Мойера. Другой замеченный читателем мотив связан с деятельностью Жуковского при дворе. «Письма из Швейцарии», следующие непосредственно за романом, никаких следов чтения не содержат. Серия отчеркиваний Жуковского складывается в единый сюжет, что позволяет говорить о его своеобразном вертеризме. Не принимая инвариантную основу трагедии (самоубийство от непонимания и вопреки бессердечности окружающего мира), он, как и многие его современники, проецирует страдания гетевского героя на собственную духовную жизнь. Очевидно, датировать чтение «Вертера» следует 1819–1823 гг. Пограничные даты при этом определяются годом выхода в свет данного издания, с одной стороны, и уходом из жизни Маши, с другой.

В 1826 г., во время путешествия в Эмс для лечения Жуковский посетил город, в котором происходили события, послужившие источником романа И.В. Гете – его увлечение невестой И. Кестнера, история самоубийства молодого сотрудника посольства, отъезд из города и мысли писателя о сведении счетов с жизнью. Дневниковая запись Жуковского от 9/21 июня гласит: «Вецлар (Вертер)» [Жуковский, 2000, с. 213].

Спустя всего два года Жуковский вновь оказывается непосредственно вовлеченным в русскую переводную вертериану. В 1828 г. А.П. Елагина просит его посодействовать в распространении нового перевода романа И.В. Гете, изданном А.А. Елагиным. «Страдания Вертера» были напечатаны в Москве (первая часть в 1828 году, вторая в 1829 г.), имени переводчика в книге не указывалось. Автором русского текста выступил друг И.В. Киреевского, талантливый молодой ученый, поклонник немецкой философии и литературы Н.М. Рожалин (1805–1834). Жуковский помог распространить издание в Петербурге и дал краткий объективный отзыв о переводе в ответном послании к А.П. Елагиной: «Перевод вообще очень хорош, но не ровен, и есть места, где переводчик не понял оригинала» [Русский библиофил, 1912, № 7–8, с. 106].

Вряд ли можно утверждать, что со временем романтик принял страсть в качестве источника вдохновения в жизни или в поэзии. Свое убеждение относительно губительной роли любой неумеренной страсти в жизни человека поэт сохранил до конца творческого пути, и сюжетная канва гетевского романа оставалась одним из важнейших аргументов. Так, во второй половине 1845 г., благословляя В.А. Соллогуба на «русский роман», он исходит из зиждательной для русского психологического романа антропософии («Что такое человек? Слуга Божий на земле для неба») и категорично указывает, чего следовало бы избегать

в этом творении: «избавьте нас от противных *Героев нашего времени*, от *Онегиных* и прочих многих, им подобных, <...> которые все суть не иное что, как бесы, вылетевшие из грязной лужи нашего времени, начавшиеся в утробе Вертера» [Русский архив, 1896, кн. I, с. 461–462]. По мнению Жуковского, «их должно выводить на свежую воду, но такими, каковы они есть, а не главными образцовыми героями» [Там же, с. 462].

Наконец, одно из последних и мало известных проявлений гетевского романа в творческом сознании русского романтика относится к 1850 г. По свидетельству А. фон Мальтица, он получил от Жуковского письмо и копию автографа стихотворения неизвестного автора на вертеровский сюжет. Мальтиц сообщил графине Эглоффштейн 24 апреля 1850 г.: «Наш друг Жуковский был близок нам, когда мы вчера о нем говорили, спустя несколько часов я получил от него следующие строки в виде приложения. Гете говорит в Вертере «Господь не разгневется, если один из его детей, тех, кого он, благословив, послал на землю, вернется к нему и скажет: «Отец, я иду уже теперь»» [Maltitz, 1850, Bl. 1]. Барон имел в виду, очевидно, строки романа из письма Вертера от 30 ноября. Этот эпизод выражает меланхолическое настроение Жуковского, который в последние годы мечтал вернуться на Родину, но был вынужден из-за недуга жены и собственных болезней до конца дней оставаться в Германии и наблюдать ненавистное и непонятное ему разрушительное революционное движение.

***

Итак, в концептосфере Жуковского присутствовали различные репрезентанты вертеровского сюжета. Основная рецептивная магистраль обнаруживается, конечно, в творческом наследии поэта. Роман о Вертере послужил при этом одним из основных источников образцов повествовательного стиля, который Жуковский инкорпорировал в отечественную словесность: циркуляция лиризма, морально-назидательный пафос, высокий рыцарский этос, культ чувства вместе с вездесущностью лирического Я в тексте. Идиллии-переводы из Гебеля, элегии Грея, древнегреческий и древнеиндийский монументальный эпос, дружеские литературные послания в стихах и прозе стали классическими и послужили ориентирами для представителей «золотого века». Данная модель восприятия соответствует конечному этапу взаимодействия аутентичной словесной культуры с иноязычным произведением литературы, «творческому усвоению» (по терминологии Ю.Д. Левина). Будучи хорошо знакомым с оригиналом Гете, русской переводной вертерианой и в то же время не принимая фабулы романа, Жуковский способствовал органичному вхождению глубинных слоев немецкого текста в литературную русскую традицию.

Вторая линия диалога с вертеровским сюжетом вполне характерна для романтика-читателя и обуславливается склонностью Жуковского к эмпатии, вживанию в текст и вчитыванию мотивов, сходных с событиями из жизни и собственными переживаниями. В личном творческом пространстве романтик был склонен к вертеризму. Любовная коллизия романа (любви́нный треугольник и его трагическое разрешение, взаимное сближение героев через совместное чтение книг, прогулки на лоне природы; социальные причины, препятствующие союзу влюбленных и др.) имела непосредственное соответствие в действительной биографии Жуковского, поэтому история о Вертере не могла оставить его равнодушным и вызывала живой отклик спустя более тридцати лет после знакомства с романом.

Понимая особенности литературного процесса в России первой трети XIX в., поэт не стремился публично популяризировать собственное отношение к произведению Гете, однако был в курсе русской переводной вертерианы, о чем свидетельствуют его предметные высказывания о переводах Ф. Галченкова, И. Виноградова, И. Рожалина, а также принимал участие в экспериментальном

переводе вместе с друзьями по Дружескому литературному обществу.

Контекст поздних высказываний Жуковского открывает критические суждения поэта о том негативном влиянии, которое он предвидел и которое возымела история о герое-самоубийце, а точнее спекуляции на этот сюжет. Тем не менее, в индивидуальном житнетворчестве русский романтик продолжал испытывать внутреннюю, вероятно, не до конца осознанную склонность к эмпатическому восприятию вертеровского сюжета, замеченную немецким гетеанцем и другом последних лет бароном А. фон Мальтицем.

Литература

Ап. Жуковский. Заметка неизвестного лица (на немецком языке), с пометами В.А. Жуковского. Конец 1810-х гг. // Отдел рукописей. РНБ. Фонд 286. Описание № 352.

Вацуро В.Э., Виролайнен М.Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 350–430.

Веселовский А.Н. В.А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.

Вестник Европы. 1808.

Вяземский П.А. Из «Старой записной книжки» // В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999.

Гете И.В. Страдания юного Вертера. Перевод Н.Г. Касаткиной. СПб., 1999.

Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л., 1982.

Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999–... Т. 13. М., 2000.

Жуковский В.А. О страстях // Резанов В.И. Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. СПб.; Пг., 1906–1916. Вып. 2.

Загарин П. (Поливанов Л.И.). В.А. Жуковский и его произведения. М., 1883.

Лобанов В.В. Библиотека В.А. Жуковского (Описание). Томск, 1981.

Лобачева Д.В. Роман И.В. Гете «Страдания юного Вертера»: рецепция в России (XVIII – XIX вв.): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.

Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 248–269.

Мерзляков А.Ф. Стихотворения. Л., 1958.

Письмо Вертера к Шарлотте // ОР РНБ. Фонд 286. Описание № 352.

Поплавская И.А. Комментарий к повести «Мария. Отрывок из Артурова журнала» // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999–... Т. 10 (в печати).

Приятное и полезное препровождение времени. М., 1798. Ч. 19.

Русский архив. 1896. Кн. I.

Русский архив. 1896. Кн. I.

Русский библиофил. 1912. № 7–8.

Современник. 1837. Т. 5.

Сочинения В.А. Жуковского: В 6 т / Под ред. П.А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. СПб, 1878.

Стадников Г.В. О русском вертеризме: от сентименталистов до А.С. Пушкина // Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни. СПб., 2003. С. 80–86.

Топоров В.Н. Из ранней русской «вертерианы»: об одном опыте перевода «Die Leiden des jungen Werthers» // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В.М. Жирмунского. СПб., 2001. С. 225–233.

Тургенев Ан.И., Мерзляков А.Ф. Перевод «Вертера» // ОР РНБ. Фонд 286. Описание № 319.

Янушкевич А.С. Комментарий к речам Жуковского в ДЛО // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999—... Т. 8 (в печати).

Goethe J.W. Leiden des jungen Werthers. Leipzig, 1787.

Goethe J.W. Die Leiden des jungen Werthers. Und: Briefe aus der Schweiz. Stuttgart, 1819.

Maltitz A. Ein Brief an die Gräfin J. von Egloffstein vom 14 April 1850 // Goethe- und Schiller-Archiv. № 13 / 167.

Siegel H. Alexandr Ivanovič Turgenev. Ein russischer Aufklärer. Köln, Weimar, Wien, 2001.